

Научная статья
 УДК 81'276.3, 81'221.22
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе: гендерный аспект

М. В. Томская¹, А. А. Рябухина (Рашина)²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹scog@linguanet.ru, ²anastasiarashina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности вербально-жестового поведения мужчин и женщин при использовании инвективной лексики. Анализ видеозаписей в программе ELAN выявил различия как в количестве употребляемой инвективной лексики, так и в применении мужчинами и женщинами жестов одновременно с инвективной лексикой. Установлено, что в устном нарративе современные молодые женщины в целом чаще используют инвективную лексику, тогда как молодые мужчины чаще прибегают к obscenным (нецензурным) выражениям. При употреблении инвективной лексики с жестами, а также при ее замещении невербальными компонентами, часто используются прагматические жесты.

Ключевые слова: гендер, конструирование гендера, инвективная лексика, жестовое поведение, устный нарратив

Благодарности: Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (проект № АААА-А20-120071690041-3).

Для цитирования: Томская М. В., Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып 2 (870). С. 114–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

Original article

Gesture Behaviour when Using Invective Vocabulary in Oral Narrative: Gender Aspect

Maria V. Tomskaya¹, Anastasia A. Ryabukhina (Rashina)²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹scog@linguanet.ru, ²anastasiarashina@gmail.com

Abstract. The article discusses some features of the verbal-gestural behavior of men and women when using invective. Analysis of video recordings in the ELAN program revealed differences both in the amount of invective vocabulary used and in the use of gestures simultaneously with invective vocabulary by men and women. It has been established that in the oral narrative, modern young women generally use invective vocabulary more often, while young men tend to use obscene expressions. When using invective vocabulary with gestures, as well as replacing it with non-verbal components, pragmatic gestures are most used.

Keywords: gender, gender construction, invective vocabulary, gesture behavior, oral narrative

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project АААА-А20-120071690041-3).

For citation: Tomskaya, M. V., Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behavior when using invective vocabulary in oral narrative: gender aspect. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 2(870), 114–121. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных принципов гендерных исследований является понимание того, что гендер является трансформирующимся порождением социума, который неизменно оказывает влияние на него, преобразовывая тем самым представления о гендере [Гриценко, 2005]. В настоящее время гендерные представления с особой интенсивностью подвергаются метаморфозам. В результате исследователи приходят к выводу, что их необходимо пересмотреть [Кирилина, Гаранович, 2022].

Исследования последних лет демонстрируют разнообразие подходов к изучению гендера в гуманитарных науках, обусловленное существующим плюрализмом научных взглядов. В этой связи представляется любопытным обращение к анализу гендерного аспекта невербальной коммуникации, например, при спонтанном порождении устного нарратива.

Любому устному нарративу сопутствуют жесты, которые дополняя речь и помогая говорящим более ярко передавать свои мысли, эмоции и переживания собеседнику, образуют тем самым единый мультимодальный кластер [Гришина, 2011], или полимодальный комплекс, формирующийся из вербальных и невербальных компонентов.

Особенно интересными представляются случаи проявления эмоций, вызванных повторным переживанием повествуемых событий. Как показывают исследования, эффективным средством коммуникации, особенно в ситуациях, которые отзываются в говорящем сильными эмоциями, часто выступают невербальные проявления (жесты, мимика и др.), которые помогают ему более ярко выразить свои эмоции [Крейдлин, 2006].

Для того, чтобы отличить жесты от других телодвижений, целесообразно обратиться к особенностям жестов. Исследователи выделяют и подчеркивают осознанный и намеренный характер жестов [Kendon, 2004]; информативность жестов, они несут смысловозначительный характер [Моррис, 2010]; бескорыстие и контролируемость жестов [Гришина, 2017]. Данных характеристик мы будем придерживаться при выявлении жестов в нашем исследовании.

Несмотря на попытки выделить невербальный стиль поведения мужчин и женщин, предпринятые в отдельных работах [Крейдлин, 2006], говорить о типично женских (фемининных) и мужских (маскулинных) чертах в жестовом поведении считаем преждевременным. Однако нам удалось выявить некоторые тенденции в употреблении жестов мужчинами и женщинами, в частности, была замечена активная жестикуляция женщин, а также учащение

использования репрезентирующих и дейктических жестов при описании негативных событий прошлого [Рашина, Томская, 2022].

В процессе работы над аннотированием видеоматериала с иной исследовательской задачей нами обнаружено частотное использование инвективной лексики говорящими в момент описания, как правило, негативных ситуаций, вызвавших эмоциональную реакцию рассказчика, а также употребление табуированных слов в комплексе с жестами или иными телодвижениями. Это позволило нам выдвинуть следующие гипотезы:

- молодые женщины используют инвективную лексику в целом чаще молодых мужчин, однако молодые мужчины склонны чаще молодых женщин употреблять obscene (нецензурную) лексику;
- молодые женщины отдают предпочтение прагматическим жестам при произнесении инвектив;
- при замещении инвективной лексики жестами используются репрезентирующие жесты.

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К СОБЫТИЮ

В последнее время интерес к изучению инвективной лексики возрос, чему способствовал ряд факторов: либерализация общества, снижение культуры речи, увеличение количества инвективной лексики в художественных текстах, кино и на телевидении [Шарифуллин, 2000].

Инвективная лексика представляет собой пласт слов и выражений, выходящих за рамки культурной нормы в языке, основной целью которых является желание оскорбить или унижить адресата [Жельвис, 2001]. К инвективной лексике могут относиться как жаргонизмы, просторечья, так и obscene (нецензурные, или матерные) языковые единицы, употребление которых традиционно считается чертой малообразованных и невоспитанных людей.

Исследователи выделяют различные функции инвектив, так, например, в работе В. И. Жельвиса выделяются 27 функций, в частности, понижение социального статуса адресата, привлечение внимания, желание продемонстрировать качество «свой в доску», средство агрессии и др. [Жельвис, 2001].

Другие авторы разделяют инвективы на две большие группы в зависимости от преднамеренности их использования, а именно пропозициональные (преднамеренные) и непропозициональные (непреднамеренные). Пропозициональные инвективы выполняют экспрессивную, интенсификационную

функции, позволяя говорящему эмоционально усилить свое высказывание. Непропозициональные инвективы, в свою очередь, воспроизводятся рефлексивно и реализуют катарсическую функцию, то есть помогают говорящему снять эмоциональное напряжение в ситуациях, когда они испытывают сильную физическую / душевную боль, либо пытаются запугать и т. д. [Finn, 2017]. Другими словами, использование инвектив чаще всего рассматривается как способ выражения агрессии, экспрессивности и эмоциональности говорящего.

Несмотря на то, что использование ругательств до сих пор считалось преимущественно чертой мужской речи [Успенский, 1996], а использование ее женщинами до недавнего времени считалось отступлением от социальных норм и представлений о «настоящей женщине», вышеупомянутые факторы привели к тому, что инвективную, в том числе обсценную, лексику всё чаще можно услышать из уст женщин, которые стремятся нарочито продемонстрировать равноправие с мужчинами [Шапенко, 2016], а также отстаивать свои социальные права [Барышникова, 2004]. Как утверждают некоторые авторы, в настоящее время употребление инвектив носит скорее андрогинный характер [Анков, 2022]. Наш анализ, с одной стороны, подтвердил упомянутые утверждения, с другой – показал, что некоторые отличия в использовании инвективной лексики мужчинами и женщинами все-таки наблюдаются.

МАТЕРИАЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа нами использованы видеоматериалы, полученные в ходе проведения эксперимента, во время которого участники описывали события прошлого. Всего проанализировано 14 записей диалогов 28 молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет, которые были разделены на пары (всего 14 пар: 6 однополых пар – 3 пары женщина + женщина, 3 пары мужчина + мужчина, 8 разнополых пар – женщина + мужчина). Общая продолжительность видеозаписей с анализируемым материалом составила 269 минут 7 секунд.

Все участники подписали согласие на проведение эксперимента и использование видеоматериалов в научных целях. Запись велась на белом фоне для лучшей видеофиксации движений рук и тела участников.

Участникам были предложены следующие темы для обсуждения: общее, нейтральное описание мест (например, «Расскажите о любимом месте»), описание необычных ситуаций, случаев из жизни (например, «Расскажите о ситуации, в которой вы гордились собой» и др.). Несмотря на заданность тематики, мы обнаружили относительную спонтанность их речи, так как будучи друзьями / приятелями и имея общие воспоминания, респонденты отходили от предложенной темы, свободно повествуя о чем-либо своем и нередко вступая в диалог.

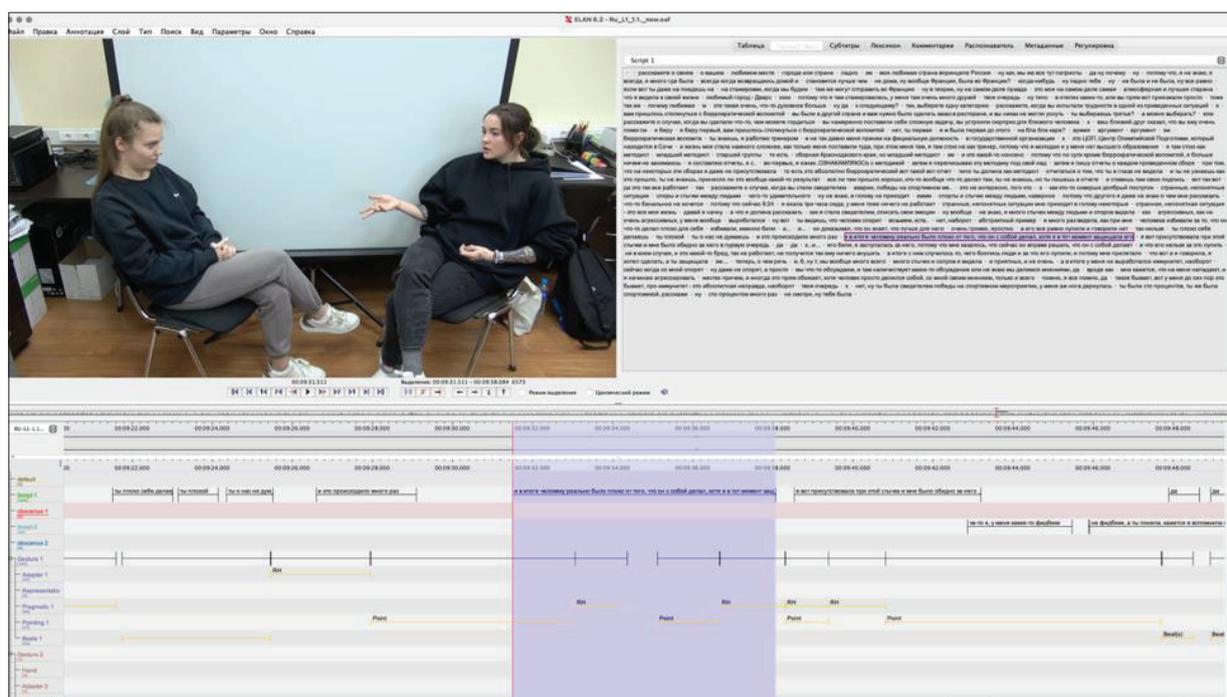

Рис. 1. Скриншот аннотированной записи в программе ELAN

Для аннотации материала мы использовали программу ELAN (НИИ Психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды)). В ходе обработки материала зафиксированы все случаи использования инвективной лексики (вербальные и с невербальным компонентом), которые, в свою очередь, были размечены на видео и звуковой дорожках. Кроме того, мы отдельно отметили случаи, когда говорящий намеревался использовать табуированное слово, но предпочел заменить его жестом, а также случаи использования нецензурных (матерных) слов (см. рис. 1).

Для анализа жестового поведения говорящих мы взяли за основу классификацию К. Мюллер и А. Ченки, которые выделяют следующие типы жестов: репрезентирующие; (само)адаптеры; прагматические; дейктические; биты [Müller, 1998; Cienki, 2013].

Отметим отдельно, что не во всех повествованиях в парах были обнаружены инвективы, так из 14 пар в четырех не было зафиксировано ни одного случая. Заметим, что все эти пары были однополыми (мужчина + мужчина), но несмотря на отсутствие ругательств, в их повествованиях прослеживался некий сексуальный подтекст, например:

- Совершал какие-нибудь *первобытные поступки*?
- Совершал *первобытные поступки*, но не связанные с этим местом.

В результате нами обнаружены 86 случаев использования инвективной лексики, из них 52 женщинами, 34 мужчинами, которые были поделены на типы в зависимости от ситуации:

- использование инвективной лексики в комплексе с жестом (например: «и тот дурак, и этот дурак» + дейктический жест);
- замена инвективной лексики жестом (например: «да какого...», вместо инвективной лексической единицы использован прагматический жест);
- использование инвективной лексики в комплексе с движением головой / телом (например: «если (он) еще раз поступит, вам всем пи**а», резкое движение головой);
- замена инвективной лексики движением головой / телом (например: «их там кормили откровенной ...», замена на резкое движение головой и зажмуривание);
- использование инвективной лексики без невербальных компонентов (например: «он даже про мою маму г***о какое-то говорил»).

Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Мы также выделили отдельно использование жестов в комплексе с инвективной лексикой и распределили их по функциональным типам жестов, в результате нам удалось получить следующие данные (см. табл. 2).

Таблица 1

СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ БЕЗ И С НЕВЕРБАЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

	Мужчины	Женщины
Использование инвективной лексики в комплексе с жестом	14	26
Замена инвективной лексики жестом	3	2
Использование инвективной лексики в комплексе с движением головой / телом	6	8
Замена инвективной лексики движением головой / телом	2	3
Использование инвективной лексики без невербальных компонентов	9	13
Всего:	34	52

Таблица 2

СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВ В КОМПЛЕКСЕ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ЖЕСТАМИ

	Мужчины	Женщины
Дейктические	1	3
Прагматические	6	14
(Само)адаптеры	3	7
Репрезентирующие	4	2
Всего:	14	26

Рис. 2. Репрезентирующий жест:
«Что вот я говорила, я хотел сделать, а ты защищала. Э... (репрезентирующий жест)»

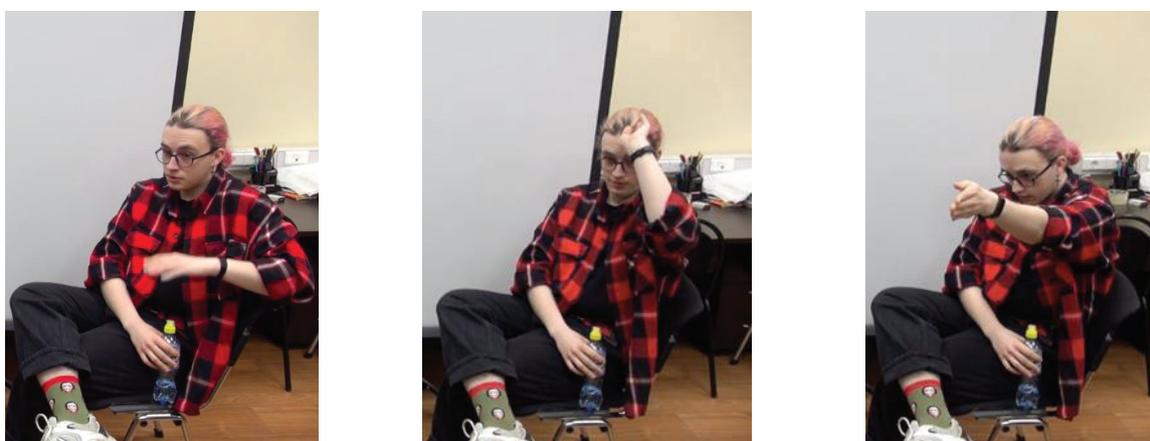

Рис. 3. Репрезентирующий жест:
«Отправился в пешее эротическое путешествие в один конец, а второго попытались загрести»

Как следует из количественного анализа, наиболее частотное использование прагматических жестов в комплексе с инвективами. Вероятно, приведенные показатели обусловлены тем, что в данном случае прагматические жесты как эмпатические выполняют функцию интенсификации, то есть при произнесении бранной лексики, и так имеющей эмоциональный характер, говорящие пытались усилить эмоциональный эффект на собеседника.

Кроме интенсификации, жесты воспроизводились с целью замещения инвектив (см. табл. 1). Интерес представляет то, что во всех случаях (всего 5) как мужчины (3 случая), так и женщины (2 случая) использовали репрезентирующие жесты, симулирующие свойства и характеристики описываемого объекта.

Так, одна из участниц рассказывает историю, когда ей пришлось стать свидетельницей избия молодого человека, в конце повествования она замолкает, замещая гипотетически инвективную

лексему репрезентирующим жестом, который негативно характеризует ситуацию и ее участников (см. рис. 2).

Другим ярким примером такого замещения служит описание драки в клубе. Молодой человек стал невольным свидетелем драки, описывая приезд полицейских, он говорит: «Приехали менты на этих двух пацанов, один просто...», однако далее вместо вербальной единицы, предположительно инвективы, он воспроизводит репрезентирующий и одновременно дейктический жест, после чего спустя некоторое время продолжает свою мысль, заменяя неформальную лексику эвфемистической фразой: «Отправился *в пешее эротическое путешествие* в один конец, а второго попытались загрести» (см. рис. 3).

Нами также были отмечены случаи замены инвективной лексики местоимением, например, указательным. Так, при описании конфликтной ситуации одна из участниц во избежание употребления

инвективы говорит: «Ты тут *такой, такой*». Далее продолжает: «Ну, знаешь, как мужики, ну, *петушатся*». Интересно отметить, что при произнесении лексемы «петушатся», девушка мимикой демонстрирует негативное отношение к такому стилю поведения, при этом использует прагматический жест, все это в совокупности образует единый комплекс вербальных и невербальных средств выражения оценки, отнесенной к участникам конфликтной ситуации.

Подчеркнем, что в целом женщины стремятся избегать употребления обсценной лексики. Из всех участниц лишь одна девушка выражалась нецензурно (в 6 из 12 случаев употребления инвектив в своей речи она прибегала к обсценной лексике). Мы допускаем, что использование инвектив молодыми женщинами обусловлено их возрастом и статусом, что косвенно подтверждает взаимодействие гендерных особенностей с другими социальными характеристиками личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количественный анализ данных позволил нам получить результаты, на основании которых мы можем сделать предварительный вывод: современные молодые женщины чаще, нежели молодые мужчины, используют инвективы в своей речи. Данное обстоятельство может быть связано с желанием девушек нивелировать гендерные различия, а также с их социальными характеристиками. При этом чаще всего их негативные высказывания касаются именно описания поведения мужчин.

Качественный анализ показал, что несмотря на частое употребление грубых слов, женщины в отличие от мужчин старались избегать прямого использования обсценных (нецензурных) слов, заменяя их вербально – эвфемизмами, грубой или стилистически сниженной лексикой, невербально – жестами.

Что касается жестикуляции, отмечено количественное преобладание прагматических жестов при произнесении инвектив женщинами. При замещении инвектив невербальными средствами используются репрезентирующие жесты, которые производятся размашисто и часто сопровождаются мимикой.

Инвективы редко употребляются при описании позитивных ситуаций, чаще они всплывают в повествованиях о негативных событиях. При этом одновременное применение жестов, выполняющих функции замещения и интенсификации, помогает передавать сильные эмоции либо отношение говорящего к ситуации / человеку.

Таким образом, гипотезы, выдвинутые ранее, подтвердились. Принято считать априори, что женщины пользуются инвективами реже мужчин, но эмпирические наблюдения свидетельствуют, что это далеко не всегда соответствует действительности. Кроме того, сам характер «женской» брани может отличаться от брани «мужской». Результаты показали также, что для более детального описания и понимания различий в жестовом поведении мужчин и женщин в нарративном дискурсе необходимы серьезные экспериментальные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
2. Кирилина А. В., Гаранович М. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации / А. А. Анков и др. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С. 7–55.
3. Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». М.: РГГУ, 2011. С. 243–257.
4. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I. Жестовые удадения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 290–296.
5. Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Моррис Д. Библия языка телодвижений : пер. с англ. М.: Эксмо, 2010.
7. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЛитРес, 2017.
8. Рашина А. А., Томская М. В. Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 85–92.
9. Шарифуллин Б. Я. Обсценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). Красноярск, 2000. С. 108–111.

10. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001.
11. Finn E. Swearing: the Good, the Bad, the Ugly // *ORTESOL Journal*. 2017. Vol. 34. P. 17–26.
12. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Антимир русской культуры*. М.: Ладомир, 1996. С. 9–107.
13. Шкапенко Т. М. Обценная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstsennaya-leksika-o-kognitivnyh-mehanizmah-tabuizatsii-slov>.
14. Барышникова Г. В. Инвектива в речи: гендерный аспект // *Лингвистические и дидактические основы вербальной грамотности государственных служащих : сб. научных трудов*. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. С. 4–8.
15. Анков А. А. «Мужское» и «немужское» начало во французской инвективе // *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С. 362–378.
16. Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
17. Cienki A. *Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization*. In: *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.

REFERENCES

1. Gritsenko, E. S. (2005). *Jazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera = Language as a means of constructing gender: abstract of Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.).
2. Kirilina, A. V., Garanovich, M. V. (2022). *Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya = Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium*. In Ankov, A. A. et al., *Gendernye aspekty jazyka, soznaniya i kommunikacii* (pp. 7–55) : collective monograph. Moscow: YaSK Publishing House. (In Russ.).
3. Grishina, E. A. (2011). *O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoi rechi = On multimodal clusters in spoken language*. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 243–257) : works of the International conference “Dialogue 2006”. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing. (In Russ.).
4. Kreydlin, G. E. (2006). *Mehanizmy vzaimodeystviya neverbal'nyh i verbal'nyh edinit v dialoge I: zhestovye udarenija = Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue I: gesture accents*. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 290–296): works of the international conference “Dialogue 2006”. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing. (In Russ.).
5. Kendon, A. (2004). *Gesture: visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Morris, D. (2010). *Bibliya yazyka telodvizhenii = Peopewatching*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
7. Grishina, E. A. (2017). *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya = Russian gesticulation in linguistic aspect: corpus studies*. Moscow: LitRes. (In Russ.).
8. Rashina, A. A., Tomskeya, M. V. (2022). *Gesture behavior in the description of negative events: gender aspect*. *Vestnik of Moscow State University. Humanities*, 6(861), 85–92. (In Russ.).
9. Sharifullin, B. (2000). *Obscennaya leksika: terminologicheskie zametki = Obscene vocabulary: terminological note*. *Speech communication*, 1(9), 108–111. (In Russ.).
10. Zhelvis, V. I. (2001). *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema = The field of abuse. Foul language as a social problem*. Moscow: Ladomir. (In Russ.).
11. Finn, E. (2017). *Swearing: the Good, the Bad, the Ugly*. *ORTESOL Journal*, 34, 17–26.
12. Uspenskiy, B. A. (1996). *Mifologicheskij aspekt russkoj ehkspressivnoj frazeologii = Mythological aspect of Russian expressive phraseology*. In *Antimir russkoj kul'tury* (pp. 9–107). Moscow: Ladomir. (In Russ.).
13. Shkapenko, T. M. (2016). *Obscene lexicon: about cognitive mechanisms of words tabooization*. *Vestnik of Volga Region University named after V. N. Tatishchev*, 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/obstsennaya-leksika-o-kognitivnyh-mehanizmah-tabuizatsii-slov> (date of access: 11/23/2022). (In Russ.).
14. Baryshnikova, G. V. (2004). *Invektiva v rechi : gendernyj aspekt = Invective in speech: gender aspect*. *Linguistic and didactic foundations of verbal literacy of civil servants* (pp. 4–8). Volgograd: VAGS Publishing. (In Russ.).
15. Ankov, A. A. (2022). *«Muzhskoe» i «nemuzhskoe» nachalo vo francuzskoj invektive = “Male” and “non-male” origin in the French invective*. *Gendernye aspekty jazyka, soznaniya i kommunikacii* (pp. 362–378) : collective monograph. Moscow: YaSK Publishing House.
16. Müller, C. (1998). *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag.
17. Cienki, A. (2013). *Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization*. *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 182–201.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Томская Мария Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. лабораторией гендерных исследований Центра СкоДис,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

Рябухина (Рашина) Анастасия Андреевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tomskaya Maria Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies,
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law,
Moscow State Linguistic University

Ryabukhina (Rashina) Anastasia Andreevna

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.01.2023	
принята к публикации	30.01.2023	